

УДК 008. 009: 82 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Гуманитарные науки в целом. Художественная литература. Литературоведение)

**КУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ ГРЕХОВНОСТИ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А. ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»)**

© 2023 Е.А. Семухина

*Семухина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация»*

E-mail: semuh@rambler.ru

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А.
Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 16.11.2022

Культурологическое исследование феноменов, относящихся к художественной коммуникации, является одним из актуальных направлений научных исследований, поскольку отличается междисциплинарным характером. Его задача – проанализировать культурные доминанты, влияющие на систему взглядов автора художественного произведения и его современников. Актуальность исследования текста XIX в. определяется его значимостью для настоящего исторического этапа. Книга де Кюстина «Россия в 1839 году» легла в основу современного восприятия западноевропейцами России и россиян. Созданные маркизом мифы отличаются стойкостью и влияют на стереотипы и в целом на успешность сегодняшней межкультурной коммуникации. Целью исследования стало выявление и изучение специфики единиц культурного знания, объективированных в книге де Кюстина «Россия в 1839 году». Результатами исследования стал ряд выявленных концептов: грех, леность, гордыня, зависть, являющихся наиболее частотными в произведении де Кюстина. Специфическим для русской культуры автор считает грех лености, в то время как гордыня и зависть свойственны и европейцам тоже. Формально выводы автора основаны на наблюдениях, что позволило читателям считать их объективными. В то время как более глубокий анализ доказывает, что писатель создавал свое произведение, основываясь на идеях, почерпнутых из французской романтической литературы. Произведение А. де Кюстина является малоизученным в российской культурологии и предоставляет широкое поле для изысканий. Настоящая статья посвящена изучению такого культурного феномена, как категория греховности, которая ранее не подвергалась анализу в контексте художественной коммуникации.

Ключевые слова: категория культуры, концепт, грех, греховность, XIX век

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-94-100

Введение. Художественное произведение, художественный текст является фактом художественной коммуникации, одного из самых распространенных и многоплановых видов коммуникации.

Читатель художественного произведения не просто воспринимает информацию из последнего, но является истинным коммуникантом, адресатом, находящимся в контакте с автором (или адресантом). Эту возможность художественный текст приобретает благодаря своим воздействующим свойствам, которыми его наделяет автор согласно интуитивным законам. Выявить их пытаются многие поколения лите-

ратуроведов, лингвистов, культурологов. Рассматриваются стилистические, лексические, синтаксические особенности организации художественных произведений, когнитивные структуры, лежащие в основе текстов и многое другое. Одним из актуальных направлений исследований является культурологическое, позволяющее проанализировать культурную специфику художественного произведения и дать ответ на вопрос о том, какие культурные доминанты формировали взгляды автора произведения, его современников. Интересно, что благодаря воздействующему свойству художественного текста культурные феномены, репрезентированные в них, становятся значительными для

современного читателя вне зависимости от времени создания произведения. Как указывают современные исследователи этот процесс становится возможным в результате объективации в литературных произведениях «энтелехии культуры», движущей силы, составляющей сущность культуры и определяющей ее развитие, сохранение и трансляцию следующим поколениям. Как верно подметила М.А. Дударева, благодаря энтелехии культура одной эпохи может принять ценности и смыслы более ранней, в случае, если таковые являются для нее релевантными (подробнее об энтелехии культуры см. [1, с. 73]).

В связи с вышесказанным представляется актуальным исследование художественного произведения XIX века с целью анализа объективированных в нем единиц культурного знания и выявления их специфических характеристик.

Подчеркнем также, что, если художественное произведение позапрошлого века остается привлекательным для современного читателя, значит оно соответствует законам художественного жанра, его существования, и может быть принято разными поколениями. Если обратиться к книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году», переведенной на современный русский язык в 1996 г. В. Мильчиной, то можно отметить, что это произведение, несмотря на дату выхода в свет, по-прежнему остается актуальным, поскольку считается одним из базовых источников сведений о России, российской культуре и характерах у западноевропейского читателя, знать и понимать которые необходимо в современной ситуации.

Важным представляется также тот факт, что автор произведения осуществляет сравнение культурных особенностей, замеченных им во время путешествия по России, с французскими культурными феноменами, что позволяет и исследователю текста делать ценные выводы.

Несмотря на интерес западноевропейских читателей к произведению А. де Кюстина (см. например [11]), оно остается малоизученным в российской культурологии, и предоставляет, таким образом, широкое поле для изысканий. Представляется также значимым, что, согласно современным исследованиям, европейские стереотипы о русских во многом совпадают с теми, которые были созданы благодаря влиянию книги маркиза (напомним, в XIX веке культура характеризовалась литературоцентричностью) [2].

Методы исследования и материалы. Материалом для настоящей статьи послужил художественный текст книги А. де Кюстина, понимаемый как акт художественной коммуникации и исследуемый в связи с ситуативными факторами, историческими обстоятельствами и литературными тенденциями, современными автору произведения. Основными методами исследования послужили метод сплошной выборки из текста книги фрагментов и высказываний, соотносимых с идеей греха и собственно с культурной категорией греховности. Использовался также метод наблюдения за фактами объективации культурных категорий и структурно-функциональный метод анализа единиц для выявления значения и свойств отдельных единиц культуры, в частности, категории греховности.

История вопроса. Маркиз А. де Кюстин был относительно известным писателем начала XIX в., был вхож в литературные круги и дружил с О. де Бальзаком, был знаком со Стендалем, Бодлером, Сент-Бёвом и другими литераторами и критиками. Несмотря на то что его романы читали с интересом, он не мог считаться выдающимся автором [6]. Но вот книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» стала настоящим бестселлером, рассказывающим о России и ее жителях [8, с. 143]. Об интересе читателей к этому произведению говорит тот факт, что за период с 1843 по 1857 гг. книга «Россия в 1839 году» переиздавалась шестнадцать раз общим тиражом более 200 тысяч экземпляров. Роман был переведен на несколько языков, и повлиял на становление стереотипов о России не только во Франции, но и в других европейских странах. В самой России книга была запрещена к изданию, и лишь отдельные ее части были переведены на русский и опубликованы в 1891 г. [5, с. 114]. В 1910 г. В. В. Нечаев опубликовал избранные отрывки из книги, снабженные собственными комментариями.

Отметим, что взгляд маркиза де Кюстина на российскую действительность XIX в. отнюдь не был комплиментарным. По своей сути, его книга представляет собой острокритический памфлет [7, с. 29], содержащий жесткую критику самодержавия [9, с. 198], написанный резко, в насмешливом тоне, чему немало способствовал литературный дар автора, заключавшийся в умении скорее рассуждать, чем создавать яркие образы [10]. Это удачное сочетание авторских

умений и жанра заметок путешественника совпало с периодом, когда отношение к русским у французов заметно ухудшилось в результате победившей Июльской революции и последовавшему реакционному ответу в царской России, выразившемся в том числе и в подавлении Варшавского восстания 1831 года. Возможно, именно в этом и кроется секрет успеха произведения [12].

Стойкость мифов, созданных А. де Кюстином о России, основывается не только на том, что в его книге удачно сочетаются жанр и авторский талант, время выхода произведения и исторические обстоятельства, но также и на том, что писатель много и аргументированно рассуждает об этике, продолжая французскую традицию XVII-XVIII веков. Таким образом, его книга, по сути не являющаяся гениальным произведением, оказалась на острие читательского внимания благодаря удачному стечению обстоятельств и соответствию ожиданиям французов от книги такого рода.

Что касается этических взглядов автора, они базируются на религиозных основаниях и репрезентируются в многочисленных афоризмах и моралистических сентенциях. Автор широко использует модели романтической французской литературы, приемы психологической характеристики и рационалистической абстракции, обращение к эпистолярному жанру, известные ему в том числе по творчеству Паскаля, Ларошфуко, Ривароля и других французских мыслителей.

Рассуждения автора о морали также носят критический и часто обвинительный характер. Как справедливо отмечает А.Р. Ощепков, де Кюстин не верит в искренность русских людей, он полагает, что все вокруг всего лишь играют роли и носят маски, не позволяя никому и даже сами себе быть хоть сколько-нибудь естественными [8, с. 148-149]. Таким образом, творчество маркиза подчинено двум основным тенденциям:

- соблюдению традиций романтической французской литературы, что привело к созданию стилистически образного текста, наполненного символами, метафорами и лирическими отступлениями;

- соответствию идеям классицизма в отношении создания моралистических комментариев и сентенций.

Именно частотное обращение де Кюстина к вопросам морали и ее оценка с точки зрения христианской этики делает это произведение интересным для исследования репрезентации в нем культурной категории греховности.

Подчеркнем, что под категорией культуры мы понимаем единицу культурного знания, морфологическую единицу культуры, имеющей структурную внутреннюю организацию. Категория культуры, как и всякая другая категория включает в себя множество объектов разной природы, объединенных по принципу соотнесенности с одной идеей. Так, в частности, исследуемая категория может включать в себя концепты (такие, как *грех*, *искупление*, *святость*, *прощение*), артефакты (предметы религиозного культа, имеющие культурное значение, произведения изобразительного искусства), культурные смыслы, мемы, универсалии и пр.

Данная категория относится к типу содержательных, которые, в отличие от универсальных (таких, как время, пространство, категории межличностных отношений, общественного устройства), связаны с личностными установками, экзистенциальной структурой личности [3, с. 18]. Содержательные категории соотносятся с положительной или отрицательной оценкой фактов окружающей нас действительности и имеют в связи с этим регулятивный характер, поскольку направляют и регулируют поведение личности и общественных групп.

Исследование данной категории и ее актуализации в XIX веке представляет интерес для понимания процессов изменения морально-этических императивов общества, и их возможной антиципации.

Результаты исследования. Произведение А. де Кюстина представляет собой заметки путешественника, перемежаемые рассказами о действительных событиях или историями, которые автор пересказывает с чужих слов.

Рассматривая репрезентацию категории греховности, остановимся на случаях явной актуализации, когда автор прямо говорит о грехе, греховности или называет один из смертных грехов (напомним, их всего семь: гордыня, ленность, алчность, зависть, чревоугодие, прелюбодеяние, гнев).

Поскольку А. де Кюстин был практикующим католиком и в юности даже собирался посвятить свою жизнь религии, то он открыто и часто

говорит о грехе, понимая под ним нарушение религиозных законов. В его тексте грех «низвергает» человека во прах по всем канонам католической веры, а шагает писатель по «грешной земле» [4, с. 12; 75]. Маркиз рассуждает о востребованности христианства, о понятии первородного греха, о последствиях отказа от религии, в результате которого общество начинает «повиноваться одним лишь законам природы», очевидно, отринув всякую мораль [4, с. 11]. Говорит он также и о своей греховной натуре, и необходимости получить отпущение грехов (см. в рассуждениях о том, что русский народ простит его авторскую резкость) [4, с. 252]. Де Кюстин относил к своим личным греховным свойствам отсутствие воли, праздность, уныние, с которыми он вел безрезультатную, по его собственным оценкам, борьбу [4, с. 387].

Таким образом, путем когнитивного анализа текста произведения «Россия в 1839 году» определяется реализация принадлежащего исследуемой категории греховности базового концепта «грех», его основное значение, совпадающее в зафиксированным в толковых словарях.

Греховность в понимании маркиза де Кюстина может заключаться не только в отступлении от религиозных норм и правил, но и в нарушении законов совести и справедливости. Так, например, в рассказе о своем отце, маркиз пишет, что тот всегда поступал согласно данному им слову, и сохранял верность правительству, несмотря на политические изменения: «... но батюшка... ни в чем не желал погрешить против совести» [4, с. 30]. В то же время автор указывает на то, что настоящий грех – это именно религиозное понятие. В частности, говоря о современных нравах, он подчеркивает, что многие современники готовы «отменить небеса и преисподнюю», лишь бы только не задеть своим мнением кого-нибудь [4, с. 54].

Говоря о русских, он видит иное понимание справедливости, толкающее на нарушения религиозных норм. Так, например, в истории с Теленевым, взбунтовавшиеся крестьяне, следуя идее справедливости, готовы казнить любого. При этом они рассуждают о смерти как о чем-то незначительном, полагая, что им важно сохранить принцип – истребить всех из ненавистного рода. Но добрые люди после смерти попадут в рай, что искупает совершенный грех: «Папашу мы отправим в ад, а дочку в рай» [4, с. 324]. Эта страшная история становится одной из тех, что

лежат в основе западного мифа о русских – жестоких и безжалостных людях.

Интересно, что далеко не все грехи из перечня смертных репрезентированы в произведении А. де Кюстина. Но одним из важнейших для него, очевидно, представляется *гордыня*. Он приписывает ее как французскому народу, так и русскому.

Французы, по мнению маркиза, могут оказаться в ситуации, когда человечество более не будет смотреть на их родину как на центр католической Европы, что он объясняет происходящими там революционными изменениями и периодом безверия. Так, по мнению де Кюстина, произойдет смерть нации, превратившей Францию в «погасший очаг гордыни» [4, с. 87].

Гордцами и честолюбцами маркиз считает атеистов и богоборцев, которые полагают, что добро и зло – это «порождение человеческого ума», а вовсе не творение Бога [4, с. 12]. Но гордыней наполнены и сердца тех христиан (европейцев), которые призывают к разделению церкви по национальному признаку. Автор полагает, что рано или поздно атеистические идеи угаснут, так как утомится ум, а душа почувствует свою беспомощность, и тогда гордыня безверия будет усмирена, а «бренным миром» будет вновь повелевать церковь [4, с. 12].

Гордыня русских людей, по мнению де Кюстина, не связана с религией, она проистекает от социального положения и включается в раболепство (у дворян), является скрытой у коронованных особ, приводит к развитию хитрости у крестьян. Так, в частности, де Кюстин пишет, что Екатерина, установив памятник Петру, написала с «мнимой простотой», фразу, исполненную гордыни: «Петру I Екатерина II» [4, с. 124]. Очевидно, что маркиз действительно ищет и находит доказательства того, что все в России притворно и лицемерно, а если таковых не находится, де Кюстин домысливает за своих персонажей, вкладывая в их поступки двойной смысл.

Гордыней русских монархов писатель также называет участие в войнах, где гибнут подданные. За их смерть, по мнению маркиза, обязательно придет возмездие – и от самих граждан, и от бога (см. подробнее [4, с. 215]).

Санкт-Петербург де Кюстин также считает плодом царской гордыни: Петр Великий создавал его вопреки природе, которая неоднократно разрушала город, но «это чудесное творение

гордыни и воли» возводили вновь и вновь [4, с. 138].

Причину гордыни у дворянства писатель видит в деспотической самодержавной власти, в результате воздействия которой у высших сословий развивается «гордыня и лицемерное великодушие», смесь «надменности с низостью», а у низших – трепет и раболепие. Развивая свою мысль о характере русских крестьян, де Кюстин пишет, что они, несмотря на свое униженное положение, не склонны к порокам, часто умны и горды, что приводит к необходимости все время хитрить, чтобы выжить в их сложном положении [4, с. 151].

Еще один немаловажный грех, который зафиксировал в своем произведении А. де Кюстин – *леность*. Автор пишет, что эта черта характера свойственна всем русским, у европейца он ее не обнаруживает. Леность, по мнению маркиза, сочетается с другими, часто противоположными характеристиками. Так, русский человек у де Кюстина одновременно «отважен и ленив», «ленив и мстителен», «ленив и поверхностен» [4, с. 63-340].

Тирания самодержавия, леность и гордыня приводят к появлению, по мнению де Кюстина, еще одного греха – *зависти*. Русские завидуют европейским народам, поскольку отстают в своем развитии и вынуждены копировать передовые культуры. Вторичность русской цивилизации вызывает рост зависти, полагает маркиз. Санкт-Петербург, по мнению писателя, не является истинно европейским городом – это всего лишь декорация, из которой народ смотрит на высокоразвитую Европу, испытывая «дикую ревность и ребяческую зависть» [4, с. 345]. Сама идея самодержавия имеет греховные основания: царь из-за гордыни лишен возможности простого человеческого общения, зависть к нему не позволяет никому из подданных быть с ним искренним, в результате одинокого монарха окружают униженные и пресмыкающиеся невольники: «Деспоту в его гордыне потребны рабы», – омекает де Кюстин [4, с. 148].

Зависть представляется де Кюстину большим грехом, проявлением демонических сил (он пишет о существовании демона зависти), результатом унижения и безосновательного честолюбия, свойством «каменного сердца» и «подлой

души» [4, с. 40-53]. В отличие от лениности, зависть, как пишет автор исследуемой книги, свойственна всем народам. Одним из ярких примеров человека, пораженного этим пороком, является Робеспьер, по сути – «сама зависть, получившая абсолютную власть» [4, с. 53].

Интересно, что другие грехи репрезентированы в книге де Кюстина фрагментарно, автор не уделяет им большого внимания, лишь вскользь упоминая о них как о незначительных человеческих недостатках.

Выводы. Художественная коммуникация, осуществляемая через художественные произведения, включает в себя факты репрезентации культурных категорий. Рассмотрение объективации категории греховности в книге А. де Кюстина «Россия в 1939 году» позволило установить ряд особенностей данной категории, характеризующих не только авторское понимание, но и ее общекультурное значение, актуальное для XIX в. Как показал анализ текста, в сознании автора грех имеет религиозную коннотацию, его значение совпадает с основным определением. Кроме того, А. де Кюстин относит к категории греховности факты нарушения справедливости, законов совести, отсутствие воли, праздность, уныние. Писатель, описывая характер русского народа, находит у него такие грехи, как гордыня, леность и зависть. Европейцы, по мнению де Кюстина, не повинны в лениности, но при этом могут быть гордыми и завистливыми.

Взгляды маркиза де Кюстина на русскую культуру, частью которой является категория греховности, опираются на идею двойственности, почерпнутую из французской литературы. Ему кажется, что все, что он видит и описывает в путешествии, не более чем демонстративное поведение, театр, за которым скрывается лицемерие и порок. В связи с этим взгляды автора не могут быть признаны объективными, тем не менее, они воспринимались западноевропейским читателем как реалистичные и легли в основу мифов о России, существующими и в настоящее время. Исследование основ этих мифов, их объяснение может стать важным шагом на пути к взаимопониманию между народами, удачной межкультурной коммуникацией.

1. Дударева, М. А. Энтелехия культуры в книге стихов А. Шацкова «Лебеди Тютчева» / М. А. Дударева, Н. В. Гращенко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 82. – С. 73-78. – DOI 10.37313/2413-9645-2022-24-82-73-78.
2. Зотова, М. В. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик / М. В. Зотова, А. А. Гриценко, А. Б. Себенцов // Мир России. Социология. Этнология. – 2018. – Т. 27. – № 4. – С. 56-77. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
3. Конев, В. А. Категории культуры / В. А. Конев // Мир русского слова. – 2006. – №4. – С. 14-21.
4. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата / А. де Кюстин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 528 с.
5. Летняков, Д. Э. «Россия, которую создал Петр Великий, не умеет ни жить, ни учиться, полагаясь на самое себя»: А. де Кюстин как критик петровской европеизации / Д. Э. Летняков // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 3. – С. 113-125. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.9.
6. Мильчина, В. А. Автор в маске интервьюера: комментарий к нескольким страницам книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» / В. А. Мильчина // Семиотика поведения и литературные стратегии. Лотмановские чтения - XXII, Москва, 23–24 декабря 2014 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. – С. 129-143.
7. Немцев, В. И. Маркиз де Кюстин о России / В. И. Немцев // Наука и культура России. – Самара, 2012. – С. 28-31.
8. Ощепков, А. Р. «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году» / А. Р. Ощепков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – №21(707). – С. 142-151.
9. Павлов, И. Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Библихина / И. Павлов // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 195-223. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-195-223.
10. Corbet, Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894) / Ch. Corbet. – P.: Didier, 1967. – 491 p.
11. Depaule, J. En compagnie du marquis de Custine / J. Depaule // Vertigo. – Vol. 24. – no. 1. – 2003. – P. 28-32.
12. Nora, P. Préface / P. Nora // Custine A. de. Lettres de Russie. La Russie en 1839. – P.: Gallimard, 1975. – P. 3–20.

**THE CULTURAL CATEGORY OF SINFULNESS
IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF A LITERARY TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF A. CUSTINE'S BOOK "RUSSIA IN 1839")**

© 2023 E.A. Semukhina

*Elena A. Semukhina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Translation Studies and Intercultural Communication*

E-mail: semuh@rambler.ru

*Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Saratov, Russia*

The culturological study of phenomena related to artistic communication is one of the most relevant areas of scientific research, since it is characterized by an interdisciplinary nature. Its task is to analyze the cultural dominants that influence the system of views of the author of the work of art and his contemporaries. The relevance of the study of the text of the XIX century is determined by its significance for the present historical stage. Custine's book "Russia in 1839" formed the basis of the modern perception of Russia and Russians by Western Europeans. The myths created by Marquis are persistent and influence stereotypes and, in general, the success of today's intercultural communication. The purpose of the study was to identify and study the specifics of the units of cultural knowledge objectified in Custine's book "Russia in 1839". The main research methods were the continuous sampling method, the method of observing the facts of objectification of cultural categories and the structural and functional method of analysis. The results of the study were a number of identified concepts: sin, laziness, pride, envy, which are the most frequent in Custine's work. The author considers the sin of laziness to be specific to Russian culture, while pride and envy are characteristic of Europeans too. Formally, the author's conclusions are based on observation, which allowed readers to consider them objective. While a deeper analysis proves that the writer created his work based on ideas drawn from French romantic literature. The work of Custine is poorly studied in Russian cultural studies, and provides a wide field for research. This article is devoted to the study of such a cultural phenomenon as the category of sinfulness, which has not previously been analyzed in the context of artistic communication.

Key words: Category of culture, concept, sin, sinfulness, XIX century

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-94-100

1. Dudareva, M. A. Entelekhia kul'tury v knige stihov A. Shatskova «Lebedi Tyutcheva» (Entelechy of culture in the book of poems by A. Shatskov "Tyutchev's Swans") / M.A. Dudareva, N. V. Grashchenkov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo

- centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2022. – Т. 24. – № 82. – С. 73-78. – DOI 10.37313/2413-9645-2022-24-82-73-78.
2. Zotova, M. V. Povsednevnyaya zhizn' v rossijskom pogranich'e: motivy i faktory transgranichnyh praktik (Everyday life in the Russian Borderland: motives and factors of cross-border practices) / M. V. Zotova, A. A. Gricenko, A. B. Sebencov // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. – 2018. – Т. 27. – № 4. – С. 56-77. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
 3. Konev, V. A. Kategorii kul'tury (Culture categories) / V. A. Konev // Mir russkogo slova. – 2006. – №4. – С. 14-21.
 4. Kyustin, A. de. Rossiya v 1839 godu (Russia in 1839) / per. s fr. pod red. V. Mil'chinoj; komment. V. Mil'chinoj i A. Ospovata / A. de Kyustin. – М.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. – 528 s.
 5. Letnyakov, D. E. «Rossiya, kotoruyu sozdal Petr Velikij, ne умеет ni zhit', ni učit'sya, polagayas' na samoe sebya»: A. de Kyustin kak kritik petrovskoj evropeizacii ("Russia, which was created by Peter the Great, does not know how to live or learn, relying on itself": A. de Custine as a critic of Peter's Europeanization) / D. E. Letnyakov // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2020. – № 3. – С. 113-125. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.9.
 6. Milchina, V. A. Avtor v maske interv'yuera: kommentarij k neskol'kim stranicam knigi Astol'fa de Kyustina «Rossiya v 1839 godu» (The author in the interviewer's mask: commentary on several pages of Astolphe de Custine's book "Russia in 1839") / V. A. Mil'china // Semiotika povedeniya i literaturnye strategii. Lotmanovskie chteniya - XXII, Moskva, 23–24 dekabrya 2014 goda. – Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2017. – С. 129-143.
 7. Nemcev, V. I. Markiz de Kyustin o Rossii (Marquis de Custine on Russia) / V. I. Nemcev // Nauka i kul'tura Rossii. – Samara, 2012. – С. 28-31.
 8. Oshchepkov, A. R. «Fenomen Kyustina»: kniga «Rossiya v 1839 godu» ("The Custine Phenomenon": the book "Russia in 1839") / A. R. Oshchepkov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2014. – №21(707). – С. 142-151.
 9. Pavlov, I. Ontologiya vlasti kak ontologiya istorii: politicheskaya filosofiya Vladimira Bibihina (The Ontology of Power as the Ontology of History: the Political Philosophy of Vladimir Bibikhin) / I. Pavlov // Sociologicheskoe obozrenie. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 195-223. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-195-223.
 10. Corbet, Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894) / Ch. Corbet. – P.: Didier, 1967. – 491 p
 11. Depaule, J. En compagnie du marquis de Custine / J. Depaule // Vertigo. – Vol. 24. – no. 1. – 2003. – P. 28-32.
 12. Nora, P. Préface / P. Nora // Custine A. de. Lettres de Russie. La Russie en 1839. – P.: Gallimard, 1975. – P. 3–20.